

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ КОРПУС «ЖИЗНЕННЫЙ КРУГ» КАК ОСНОВА ИЗУЧЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда
(конкурс поддержки молодых ученых 2014 года, проект № 14-34-01263
«Мультимедийный корпус вологодских текстов “Жизненный круг”»)*

В статье рассматриваются проблемы изучения когнитивного компонента диалектной языковой личности в контексте современной лингвоперсонологии. Основой проведенного анализа диалектной языковой личности стали материалы мультимедийного корпуса вологодских текстов, в частности записи бесед с Н. Д. Шиловской. Подробно описываются концепты <Дом>, <Труд>, <Дети>, <Здоровье>, поскольку функционирование этих концептов наиболее полно репрезентирует диалектную картину мира в речи информанта.

Русская диалектология, вологодские говоры, электронный корпус, диалектная языковая личность.

The article deals with the problems of studying a cognitive component of dialectal language personality in the context of modern lingvopersonology. The analysis of dialectal language personality is based on the material of the multimedia electronic corpus of Vologda texts, in particular the recordings of conversations with N. D. Shilovskaya. The concepts <home>, <work>, <children>, <health> are described in detail as the functioning of these concepts represents the most complete dialectal picture of the world in the informant's speech.

Russian dialectology, Vologda dialects, electronic corpus, dialectal language personality.

Введение.

Современные диалектологи все чаще обращаются к анализу диалектной языковой личности как носителю региональной духовной культуры, представителю локальной языковой общности, репрезентирующему коммуникативные установки и культурные ценности данной общности, что позволяет говорить о формировании диалектной лингвоперсонологии. Лингвоперсонология – это область научного знания, в центре внимания которой находится *языковая личность*, т. е. устойчивая система свойств человека, формирующаяся в процессе его взаимодействия с социумом и находящая свое выражение в языке [9, с. 3]. Относясь к сфере наиболее сложных психологических феноменов, личность проявляет себя в языке весьма разнообразно: в этом отношении существенны тематические и проблемные предпочтения говорящего субъекта, специфика вербально-семантической репрезентации личности, особенности вербализации субъективного отношения к предмету речи и мн. др.

Феномен диалектной языковой личности представляет собой сложное единство общерусских и собственно диалектных, общезыковых и индивидуальных черт [8, с. 3]. Они проявляются в когнитивной сфере, на вербально-семантическом уровне, в области речевого поведения, а также в процессе выражения эмоций и реализации речи на артикуляционно-акустическом уровнях. В данной статье исследуется когнитивная составляющая языковой личности жителя вологодской деревни. Материалом для исследования служат материалы мультимедийного корпуса диалектных текстов «Жизненный круг» [7], в частности, записи звучащей речи Нины Дмитриев-

ны Шиловской, 1938 г.р., уроженки д. Липово Никольского р-на Вологодской области. При характеристике когнитивного уровня личности особое внимание обращается на темы, интересующие Нину Дмитриевну; базовые концепты ее картины мира, эмоции при описании разных жизненных ситуаций.

Основная часть.

Лингвокультурологический подход, планомерно реализуемый в процессе создания мультимедийного корпуса вологодских текстов «Жизненный круг», позволяет представить как аудио- и видеоматериалы, так и текстовые записи в системе тематических блоков и осуществить поиск по ключевым словам, отражающим тематику текстов различной жанрово-стилистической природы.

Так, например, формируется система текстов, относящихся к информанту Н. Д. Шиловской. Впервые, выделяется группа текстов монологического характера разнообразной тематики: воспоминания о детстве (*Как запомню с детства, дак всё одно: одна робота, робота. Маленькие ошо, отучимся только штё, и скорие уж навоз возить, да на лошадях, да боронить вот летом, да сено заскребать...*), развлечения молодежи (*Мы раньше ходили на Угор вот летом-то. Это, знаешь, под окошком у кого-нибабудь красивое место. И вот тут плясали, тут и всё под окошком. Зимой-то наймовали биседку окупать: с каждого человека по... для биседочки. Ну, ково дома матка не пускает ак, дак придёшь, у старухи какой пол вымоешь – она пустит...*), личная жизнь (*А зимой-то вот у меня и приехал Василий-то мой, да на машине, да и увёз. Сразу увёз, просто, сразу просто увёз. «Не подёшь, ак завяжом сейчас,*

да свяжем, да увезём», – говорит...), впечатления от поездок (В Сочи поехали, обе ничего не знаем. Вечером сели тамока с самолёта на автобус это до самого Сочи. Едем жарко-то, а мы в шубах приехали, спотели-то, слушай. А дорога-то какая-то извилистая и долгая, долго ехали мы. Приехали: теметь там, темнушая, не знаем, куда и идти...), рассказы о снах (Я уснула, и вижу, што пошла в лес: берёзы, сосенки, маслята. И всё красные головки. Баские. Набрала полную корзину. Наверное, к хорошему...); различные аспекты трудовой деятельности, а именно: уход за животными (Набрала телят, двадцать один телёночек был. Сама всё поила, сама кормила, сама и гоняла. Все дни гоняешь, вечером напоишь, накормишь, в загородки розгонишь их и домой...), сенокос (Сенокос надо везде, заскрёбали за копнами, пацаны возили копна, слушай, а мы заскрёбали всё за копнами. Мётают ковада, ак пожилые женщины стоят на заложнях, мужики им подают...), работа на кирпичном заводе (Летом-то на кирпичку устроилась, на сушильный завод мы устроились. Стали на кирпичном работать, кирпичи делать...) и пр. Во-вторых, в корпусе представлены полилоги: например, диалог о приготовлении черничного пирога: «Хоть чорники вёзите, так и чорнишников испёком. С тобой вмисте». – «Бабушка, а черничник как печь?» – «Чорнишник... Вот тожо увидишь. Всё покажу сразу. Только там тесто надо на дрожжах...» – «Да?» – «Да. Тесто на дрожжах, только намеси, Коля истолкот баско, тесто густое и испёком с тобою вот потом...».

По нашим наблюдениям, наиболее интересны для информанта беседы о домашнем хозяйстве, о приготовлении пищи, разговоры о самочувствии, биографические рассказы, истории из жизни родственников. Куда менее интересными женщина считает рассказы о голодном военном детстве; не помнит детских сказок, обрядов и заговоров, хотя охотно включается в обсуждение сновидений. В речи Н. Д. Шиловской наиболее ярко репрезентируются такие ментальные объекты, как **дом**, **труд**, **дети**, **здоровье**. На фоне общерусского их содержания весьма заметны специфические свойства этих объектов, репрезентируемые в речи информанта.

Ментальный объект **дом** занимает особое место в русской языковой картине мира, он относится к числу архетипических образов [2], [3] и др. Основным средством выражения содержания этого концепта является слово **дом** в значении ‘жилое здание, строение, жилое пространство человека’ [13, т. 5, с. 425]. **Дом** – жилое пространство человека, символ семейного благополучия и богатства, локус многих календарных и семейных обрядов. Дом противопоставляется внешнему миру, входя в бинарную оппозицию ‘свой – чужой’ [15, т. 1, с. 13]. Национальное своеобразие концепта <дом> проявляется во внешнем облике (типе постройки, места постройки, соблюдении обычаев при строительстве) и внутреннем убранстве русских домов, в ведении домашнего хозяйства, в отношении к своему собственному и чужому дому, в восприятии своего Дома-Отечества. В русской культуре приоритетными являются такие когнитивные

признаки концепта <дом>, как «уют», «очаг», «душевность», «семейность». Идиллия «дома» связана с теплом домашнего очага, любящей семьей, дружественной атмосферой.

Анализ речи Н. Д. Шиловской свидетельствует о том, что в концептосфере этой языковой личности концепт <дом> занимает одно из центральных мест. О доме она говорит при описании учебы в школе («А фсё ходили пешком домой. А вечером школу кончили – опять домой бежать»), в рассказе о чужом доме («А хоть куда идите! Куда, ихней дом. Сказали уй-ти, так идите хоть куда!»; «Она в йонный дом перешла, на Советскую улицу»), при описании работы в колхозе («Все дни гоняешь, вечером напоишь, накормишь, в загородки розгонишь их и домой»), при разговоре о переездах («Мы-то? Мы на Володарской-то, в том доме»). Обращает на себя внимание относительная неприхотливость нашего информанта в отношении дома. Описывая хороший дом, Нина Дмитриевна привела в пример свой: «Да вот хороший наш дом», «С виду хорошо сделано, например. Выкрашен хорошо. Крыша не течёт. И считается хорошей дом». В рассказе о путешествии в санаторий Нина Дмитриевна вспоминает дома-дворцы южных здравниц как нечто чужое, незнакомое, непривычное, не свойственное простому человеку. Ей неуютно среди блеска зеркал, нарядно одетых праздных людей, живущих непонятной, праздной, суетливой санаторной жизнью. Важно отметить, что своим домом Нина Дмитриевна считает либо дом своих родителей, либо дом, полученный в пользование, построенный, приобретенный вместе с мужем для совместного проживания, рождения и воспитания детей. Дом свекра со свекровью, куда муж привел ее жить после свадьбы, «своим» так и не стал. Показателен в этом отношении рассказ, где Нина Дмитриевна вспоминает слова нотариуса о том, что «по документам» часть того дома принадлежит молодой семье: перегораживать избу и жить с недружелюбными родственниками она так и не стала.

Существен тот факт, что в представлении нашего информанта приобретение (покупка, постройка) дома является одной из самых важных вех в жизни молодой семьи. Рассказы о прошлом, воспоминания о своих скитаниях по съёмным углам, леспромхозовским баракам и закуткам свёкровой избы Н. Д. Шиловская перемежает с описаниями своего нынешнего дома, расспросами внушек относительно выплат ипотечных кредитов, восторженными рассказами о домах и дачах крепких хозяев из числа родственников и знакомых. Этим она, видимо, утверждает один из постулатов крестьянской картины мира: приобретение **дома** даётся большим трудом и сопряжено с огромной личной ответственностью за судьбы своей семьи, детей, хозяйства.

Концепт <труд> также является одним из базовых концептов национальной картины мира [2], [3] и др. По мнению исследователей, основные средства его репрезентации в русском языке – слова **труд** и **работа** – имеют явные семантические различия: как деятельностной процесс **труд** требует больше усилий, но и отличается от **работы** подчеркнутым целе-

направленным и осмысленным характером [14], причем Л. В. Басова указывает на то, что «дериваты со значением незначительности и пренебрежительности образованы только от исходных слов *работа*, *дело*» [4, с. 211], но не от слова *труд*. Осмысление труда как главенствующего начала жизни весьма важно для мировосприятия сельского жителя, физический труд которого «...призван обеспечить не только его биологическую, но и его социальную жизнь» [9, с. 92]. Концепт <*труд*> в лингвокультурологическом понимании представляет собой глобальную многомерную единицу ментального уровня, для которой характерны исторический детерминизм, актуальность, признание общечеловеческой ценностью, широкое распространение в народной культуре (в пословицах и поговорках) [3].

Вербализация концепта <*труд*> в речи нашего информанта, как правило, связана с употреблением слов с корнем *-раб-* // *-роб-* (*робить*, *работать* и их производные), а также с наименованием конкретных трудовых действий (*топить* печи, *обихаживать* скот, *рубить* лес и пр.) или профессий (*истопник*, *санитарка*, *скотница* и пр.). Нина Дмитриевна Шилова, как и многие сельские женщины ее возраста, с детства и до старости выполняла тяжелую крестьянскую работу: (*«Мисяц я не робила, а через мисяц устроилася в больницу санитаркой, истопишыком оишо перво, истопишыком – печки топили, ак дрова носили, воду носили тожо. А потом уж в летний период санитаркой стала робить. Да дом-то весь ремонтировали да... Ой, у нас тут было роботы-то куча с ним...»*). Поэтому *труд* в понимании нашего информанта – это, как правило, физическая работа. В диалогах Нины Дмитриевны со взрослыми внуками, которые заняты умственным трудом, речь о работе в основном касается места трудоустройства (*«Где работаешь, далеко ли от дома, на старом или новом месте?»*), оплаты труда (*«Платят больше, меньше или по-старому?»*), возможности одновременно работать и учиться. В суть такой работы Нина Дмитриевна не стремится вникнуть, однако принимает во внимание, что если внуки работают старательно, получают регулярный доход и не ругают свою работу, то можно считать их трудоустройство успешным. На этом фоне обращает на себя внимание неодобрительная реакция нашей информантки по отношению к родственникам, постоянно меняющим место трудоустройства или позволяющим себе долго искать работу, живя на доходы других членов семьи. Нина Дмитриевна считает, что это разрушает трудовое единство семьи, является причиной эмоционального разлада, дурным примером для детей, большим позором и финансовой обузой для стареющих родителей.

Обращает на себя внимание еще один важный для информанта ментальный объект – *дети*. В русской языковой картине мира концепт <*ребёнок / дети*> привлекает пристальное внимание ученых [11], [12]. Он находит свое выражение посредством репрезентации, прежде всего, значения его ключевого слова *ребёнок* – «человек в детском возрасте», а также его стилистических синонимов: *дитя*, *чадо*, *де-*

тище и др. По наблюдению исследователей, среди номинаций ребёнка преобладают языковые средства с положительной эмоционально-экспрессивной окраской [10, с. 12]. Ядро же концепта *ребёнок* образуют три семантических компонента: малолетний возраст, степень родства, особенности поведения [12, с. 23].

В речи нашего информанта концепт <*ребёнок / дети*> вербализуется как общерусскими лексемами (нарицательными – *ребёнок*, *дочь*, собственными – *Галя*, *Вася*), так и локально ограниченными (*ребятёшка*, *ребёничик* и др.). Многие записи речи нашего информанта свидетельствуют о том, что жизнь детей, внуков занимает значительное место в ее рассуждениях, бабушка стремится вникнуть в обстоятельства их детских игр и взрослых проблем. Заметно, что Нина Дмитриевна не вполне включает в число «своих» детей тех, кто пришел в семью «со стороны» (мужей дочерей и внушек, детей от предыдущих браков и пр.): для нее очень значим признак кровного родства.

Наконец, весьма значительное место в сознании нашего информанта занимают представления о *здоровье* и *болезни*. Это сложно структурированные ментальные образования, включающие понятийные, образные и ценностные признаки. Основное содержание концептов «здоровье» и «болезнь» в русском сознании, по мнению исследователей [1], [16], сводится к следующим базисным признакам:

а) понятийную сторону этих концептов составляют оппозиционные характеристики «целостность организма» – «нарушение целостности организма», «устойчивость функционирования организма человека» – «неустойчивость функционирования организма человека», «сила человека» – «слабость человека»;

б) образную сторону концепта «здоровье» формируют устойчивые ассоциации здоровья с природными явлениями (в частности, с деревом, камнем, солнцем, светом и др.), с артефактами культуры, которым приписаны человеком признаки целостности и красоты; образная сторона концепта «болезнь» представляет собой ассоциации болезни с природными явлениями (стихийными бедствиями), черным цветом, врагом, с артефактами культуры, обладающими признаками нецелостности, безобразия;

в) ценностная сторона обоих концептов заключается в признании физиолого-психологического состояния человека важнейшим аспектом его жизни и вытекающей отсюда системы приоритетов его поведения (нормы гигиены, здоровый образ жизни) [1, с. 83].

Среди записей речи нашего информанта записано более десяти значительных по объему диалогов о здоровье и болезни, посвященных описанию самочувствия Нины Дмитриевны, симптоматики ее хронических заболеваний, способов диагностики ухудшения или улучшения течения болезней, размышлений о средствах лечения и пр. Остеохондроз, операции на глазах, сахарный диабет II типа, гипертония – это самые любимые темы Нины Дмитриевны. Особенностью их обсуждения является то, что она пред-

почитает говорить об этом с «товарищами по несчастью», обладателями тех же диагнозов, что и она сама. В таких разговорах заметна эгоцентричность рассуждений нашего информанта: Нине Дмитриевне 76 лет, она считает, что остеохондроз в ее возрасте точно такой же, как и у дочки в 44; операция на глазах у зятя в 50 лет из-за тромбоза абсолютно не отличалась от катаракты в 73; диабет I типа у внучки (24 г.) и соседки Сани (51 г.) должен точно так же проявляться, как и диабет II типа у нее. Эти размышления интересны в плане наблюдения за реакцией собеседников. Каждому хочется думать, что его заболевание протекает в более легкой форме. На эти доводы Нина Дмитриевна охотно приводит свои примеры. В диалогах о здоровье Нина Дмитриевна неизменно концентрируется на своих ощущениях, толкует состояние здоровья или болезни, исходя из своих представлений о том, насколько то или иное заболевание может быть опасно для жизни.

Специфическую форму репрезентации когнитивной сферы нашего информанта составляют рассказы о снах. Нина Дмитриевна Шиловская очень внимательно относится к своим снам, считает сновидения частью своей жизни. Женщина очень часто видит во снах детей, умерших родственников, мужа, строительство домов – яркие моменты своей жизни, наиболее переломные этапы биографии. Часть снов информантка толкует как вещи, тяжело переживает такие сны, поэтому считает необходимым поделиться их содержанием с близкими людьми. Раскрывая содержание своих сновидений, Н. Д. Шиловская повторно переживает все произошедшие события, так или иначе повлиявшие на ее жизненный путь: первый ребенок, которого потеряла Нина Дмитриевна, выполняя тяжелую работу, приходит к ней в образе голубя; умершие родственники и знакомые часто видятся ей в разговорах по телефону, бытовых ситуациях; среди которых неизменно повторяется строительство домов. Очень часто женщина видит во сне умершего в 56 лет мужа, которого она очень любила.

Выводы.

Изучение бесед с Н. Д. Шиловской, представленных в мультимедийном корпусе «Жизненный круг», позволяет прийти к следующему заключению. Тематика разговоров Н. Д. Шиловской, особенности осмысления ею содержания бесед с родственниками, односельчанами, знакомыми людьми, содержание сновидений свидетельствуют о том, что круг ее ближайших интересов – *дом, семья, дети, сельский труд, здоровье* – это все то, что входит в диалектную картину мира. Мировосприятию Н. Д. Шиловской свойственны такие черты диалектного мировидения, как парцелированность, сфокусированность в сфере своих непосредственных интересов, прагматичность,

направленная на выживание крестьянской семьи в сложных природных и социальных условиях, традиционность и стереотипность восприятия действительности, тяготение к узально закреплённой этической и эстетической норме, эмоциональность и экспрессивность [5], [6], [9].

Литература

1. *Архипова, Н. Г.* Концепт болезнь в русских говорах Приамурья / Н. Г. Архипова // Вестник Амурского государственного университета. – 2002. – № 16. – С. 83–88.
2. *Байбурин, А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А. К. Байбурин. – Л., 1983.
3. *Басова, Л. В.* Концепт «Труд» в русском языке (на материале пословиц и поговорок): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Басова. – Тюмень, 2004.
4. *Басова, Л. В.* Словообразовательный потенциал лексем, представляющих концепт «труд» (по данным словообразовательного словаря) / Л. В. Басова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2006. – № 4. – С. 207–212.
5. *Вендина, Т. И.* Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т. И. Вендина – М., 1998.
6. *Демидова, К. И.* Диалектная языковая картина мира и особенности ее репрезентации в частных диалектных системах (на материале русских говоров Урала) / К. И. Демидова // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. – СПб., 2008. – С. 68–76.
7. *Драчева, Ю. Н.* Электронный корпус диалектных текстов в аспекте изучения динамики культурных концептов (на примере мультимедийного корпуса вологодских текстов) / Ю. Н. Драчева, П. Н. Задумина // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография / отв. ред. О. Н. Крылова. – СПб., 2014. – С. 114–121.
8. *Иванцова, Е. В.* Феномен диалектной языковой личности / Е. В. Иванцова. – Томск, 2002.
9. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М., 2010.
10. *Коган, Л. А.* Народное миропонимание как составная часть истории общественной мысли / Л. А. Коган // Вопросы философии. – 1963. – № 2. – С. 92–94.
11. *Кряжева, А. Л.* Особенности вербализации понятия «child / ребенок» (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук / А. Л. Кряжева. – М., 2009.
12. *Маслова, О. И.* Концепт детства в научной и художественной традициях XX века: дис. ... канд. филол. наук / О. И. Маслова. – Ярославль, 2005.
13. *Словарь современного русского литературного языка:* в 17 т. – М.; Л., 1948–1965.
14. *Токарев, Г. В.* Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке) / Г. В. Токарев. – Волгоград, 2003.
15. *Толковый словарь русского языка:* в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935–1940.
16. *Тюленинова, Л. В.* Концепты «здоровье» и «болезнь» в английской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Тюленинова. – Волгоград, 2008.